

АЛЬБИНА НУРИ

A dramatic portrait of a man with a beard and a dark hood, holding a lit candle. The scene is dark and moody, with the candle providing the primary light source. The man's face is partially obscured by the hood and the candle's glow. The background is dark and indistinct.

ЧЕРНЫЕ ДУШИ
ПРАВЕДНИКОВ

За пределом реальности

Альбина Нури

Черные души праведников

«Автор»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нури А.

Черные души праведников / А. Нури — «Автор», 2019 — (За
пределом реальности)

ISBN 978-5-04-101887-0

Журналист Матвей по просьбе друга согласился написать рекламную статью о новом туристическом комплексе «Плава планина» – «Синяя гора» в Сербии. Приехав туда со своей подругой Юлианой, Матвей планировал совместить приятное с полезным, провести там несколько дней и отметить Новый год.

Однако на курорте группу туристов из России никто не встретил, хотя домики были готовы к приему гостей, елки наряжены, а столики в ресторане накрыты. Слишком поздно гости узнали, что это место считается проклятым: когда-то там была деревня, жители которой вымерли за несколько дней, и с той поры люди обходят Синюю гору стороной. А когда наступила ночь, выяснилось, что комплекс вовсе не так пуст, как казалось вначале: нечто все же поджидало туристов и теперь не собирается отпускать своих жертв. Книга также издавалась под названием «Нежить».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101887-0

© Нури А., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Плава планина	8
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвертая	21
Глава пятая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Альбина Нури

Черные души праведников

Пролог

Прошлое

Жить всегда было страшно, и бояться приходилось многого: грозных проповедей в молитвенном доме, колючего взгляда Иеремии и его яростных слов; гнева отца, долгих нравоучений, за которыми неизбежно следовали удары суковатой палкой по спине и ногам.

Страшно было не справиться с порученным делом и в наказание лечь спать голодным; получить подзатыльник от старшего брата, увидеть брезгливые взгляды сестер. Страшно знать, что никто никогда не поспешит на помощь – даже мать, которая и сама всегда ходила, пригнувшись к земле, втянув голову в плечи в ожидании очередной затрещины.

Но то были страхи простые и понятные, всегдашние и привычные. Так пугала Жизнь – суровая и неприютная, особенно жестокая к маленьким мальчикам-калекам. В последнее время все изменилось, потому что пугать стала Смерть и ее подручные.

Месяца три назад отец сказал детям за ужином:

– Вы должны ценить отца и мать. Без них вы – ничто! Мелкие букашки, которых всякий сапогом раздавит. Родители – преграда между вами и сырой могилой. Не станет нас – вы следующие! Никогда об этом не забываете, и вечером, ложась спать, истово молитесь за наше здоровье и пребывайте в страхе: вдруг кто-то из нас не откроет поутру глаз?

Мальчик был младшим сыном в семье. Старшие дети привыкли к подобным замечаниям и отнеслись к очередному почти равнодушно. Хотя виду, конечно, не подали: поспешно склонили над тарелками головы ниже обычного, спрятали глаза от зоркого взгляда отца, который не потерпел бы пренебрежения к своим словам. Отец верил, что уважать – значит бояться, и научил верить этому постулату своих детей и бессловесную забитую жену.

Глупый и наивный, мальчик испугался отцовских слов до дрожи. Несколько ночей он не мог заснуть: то и дело принимался молиться, опасаясь, что делает это недостаточно хорошо, и что Господь его не услышит. Молился усердно, порой даже заливаясь слезами, только это не помогло.

Сначала, когда умерла вдова Горана, что жила в доме на окраине деревни, а вслед за ней, на следующую ночь – старик Петер, никто не связал их смерти с *тем* событием. Но потом, когда умерших стали находить каждое утро, и покойники появились в каждом доме, сомнений ни у кого не осталось.

В семье мальчика первой не проснулась мать: ушла из жизни тихо и неприметно, как жила. Уже на второй день после поспешных похорон поутру нашли недвижимым и бездыханным старшего брата.

Вслед за ними в иной мир отправились сестры-близнецы. Неразлучные в жизни, они и умирая не пожелали расставаться.

Последним не встретил очередного рассвета отец. Он цеплялся за жизнь сильнее других, но и ему не удалось остаться. К тому времени, как мальчик поглядел в его мертвое серое лицо, в деревне не осталось никого – зато на кладбище не хватало места, чтобы принять новых обитателей.

Помочь мальчику предать отца земле было уже некому.

Он остался единственным жителем вымершей деревни.

Наши дни

Его разбудил аромат кофе, словно он был героем рекламного ролика. «Какая пошлость», – мелькнуло в голове.

Все тело ныло и болело, как будто он с вечера переусердствовал в тренажерном зале. Или всю ночь разгружал фуры на продовольственном складе – было такое в далекой юности.

Он сбросил одеяло и открыл глаза. На широкой двуспальной кровати, застеленной канареечно-желтым в тонкую синюю полоску бельем, он лежал один.

Ну конечно. Запах кофе. Она уже встала и ушла на кухню.

«Она?»

Он отмел не успевшую оформиться мысль и встал. Голова слегка кружилась и побаливала – с правой стороны сильнее. Он легонько потряс ею, повертел направо – налево, поднял руку и осторожно ощупал череп. Коснувшись шишки на лбу, зашипел от боли.

«Я что, перебрал вчера и подрался с кем-то? Или упал?»

Ладно, позже разберемся. Он бросил взгляд в сторону окна. Занавески были плотно задернуты. Что там, за ними?

Отвернувшись от окна, он нахмурился, потому что вспомнить не удавалось.

Прикроватный коврик был маленьким, он сошел с него, чтобы дотянуться до джинсов и водолазки, которые висели на спинке стула. Пол неприятно холодил ступни, и он поспешно отыскал тапочки. Серые, казенно-больничные.

Полностью одетый, он вышел из спальни. Вторая комната была просторной и чисто убранной. Все вещи на своих местах. Как раз так, как ему нравилось.

«В жизни не встречала парня, который был бы так помешан на порядке! За тебя и замуж страшно, будешь докапываться до каждой немытой чашки!» – произнес в его голове веселый женский голос. Зазвенел смех – чуть хриловатый, но мелодичный.

Кофейный аромат здесь был густым и пьянящим. Ему захотелось сесть за стол и налить себе полную кружку, с молоком и сахаром. Не меньше трех ложек – он любил сладкое.

Женщина стояла спиной к нему, намазывала масло на хлеб. Он двигался почти беззвучно, но она слышала. Услышала, но не обернулась, чтобы поприветствовать. Шея ее была напряжена, в повороте головы и движениях рук было нечто неестественное – так двигаются люди, когда знают, что за ними наблюдают.

Но зачем ему наблюдать? И зачем скрывать свое присутствие от собственной... Он почувствовал, что снова ступил на опасную территорию и поспешно произнес:

– Пахнет изумительно.

Она вздрогнула, нож упал на пол, но женщина не стала нагибаться, чтобы поднять его. Вместо это обернулась к нему. Страх, застывший на ее лице, напугал его, хотя он все еще и не понимал, почему и чего ему нужно бояться.

– Доброе утро, – проговорила она, взглядываясь в его лицо.

Он тоже смотрел – смотрел, не отрываясь, будто приклеившись взглядом. Девушка была исключительно хороша: большие глаза, тонкий нос с небольшой горбинкой, скульптурно вылепленные скулы. Восхищенный, очарованный, он разглядывал каждую черточку, думая, что хотел бы запечатлеть это лицо – на фотографии, на бумаге или холсте.

Мог ли он забыть такую женщину, увидев однажды? Исключено! Почему же он понятия не имеет, кто она?

– Мы спали вместе? – брякнул он, от растерянности не успев задуматься над своими словами.

Продолжая все так же неотрывно глядеть на него, девушка подошла ближе. Ростом она была намного ниже, едва доставая ему до плеча – настоящая дюймовочка, хрупкая фарфоровая статуэтка.

Страх в ее глазах уступил место глубокой печали, как будто то, что она видела, причиняло ей боль. Она приблизилась почти вплотную, подняла руку и коснулась его лица. Прикосновение было легким, а ладонь – прохладной.

– Как твоя голова? Болит еще? Тебя не тошнит?

Он неопределенно пожал плечами.

– Ты что, ничего не помнишь?

– Мы знакомы? – беспомощно спросил он.

И как только задал вопрос, в этот самый миг – вспомнил. В голове словно взорвали гранату: что-то полыхнуло, грохнуло, и защитная преграда, которую, видимо, выстроил его мозг, рухнула. Он прижал руки к лицу и закрыл глаза. Пальцы, плотно прижатые ко лбу и щекам, показались чужими, принадлежащими кому-то другому, не ему самому.

– Боже, – прошептал он, – так это правда? Все случилось на самом деле?

Часть первая. Плава планина

Глава первая

– Теперь точно опоздаем на самолет, – сказала Юлиана.

Матвей с трудом подавил раздраженный вздох. Не сказать, что они долго знакомы и он успел узнать Юлиану как свои пять пальцев, но одно понял точно: стакан для нее всегда наполовину пуст.

– Не нагнетай. Успеем.

Девушка недоверчиво покачала головой, и на какой-то миг Матвею захотелось вытолкать ее из машины.

Такси двигалось в автомобильном потоке со скоростью, которую можно было назвать черепашье. Только это слишком уж банальное сравнение, недостойное человека, который считается одним из лучших и перспективных казанских журналистов.

– У нас еще три часа в запасе, – ровным тоном проговорил Матвей. – Не о чем волноваться.

Юлиана поерзала на сиденье, но больше, к счастью, ничего не сказала.

Матвей был прав: они успели. Пробка впереди них вскоре рассосалась, и спустя десять минут они уже выгружали вещи из багажника перед терминалом «Д».

Два большущих бордовых чемодана на колесиках принадлежали Юлиане – бог знает, чего она туда напихала. Поездка предстояла короткая, всего-то несколько дней, к чему тащить с собой столько вещей? Сам Матвей взял одну сумку. Еще при нем были фотокамера и ноутбук.

Они благополучно сдали багаж, прошли таможенный и паспортный контроль и оказались в зоне ожидания.

– Зачем мы приехали в такую рань? – Юлиана сморщила точеный носик. – Вылет через час с лишним!

«Конечно. Помним про полупустой стакан!»

– Как говаривала моя матушка, лучше *перебдеть*, чем *недобдеть*. Главное, что мы не опоздали, верно?

Юлиана улыбнулась, и Матвей чмокнул ее в кончик носа.

– Хочешь кофе? – спросил он.

– Издеваешься? Он у меня скоро из ушей польется. В жизни не пила так много кофе – от него портится цвет лица.

Кофе и правда пили все утро: в кафе за завтраком, в редакции популярного московского журнала, куда Матвею нужно было заскочить по делам.

– Не ворчи. Этот факт не доказан. Не хочешь кофе, может, пообедаем?

– Мы же пообедали! Ты чудовище и проглот! – притворно возмутилась Юлиана. – Как можно столько есть?

– У меня нет безупречной фигуры, которую стоило бы беречь. Мою портить не жалко. Пойду, разыщу какой-нибудь фастфуд. Съем жуткий холестеринный бургер.

Оставив Юлиану в зале, он отправился на поиски еды. Ел Матвей и правда много, но не поправлялся, хотя занятий спортом терпеть не мог и вообще ничего не делал, чтобы держать себя в форме. Никаких личных заслуг и силы воли – только правильные гены.

В зале было полно народу. Людские потоки, похожие на полноводные реки, текли, волнуясь и бурля, вдоль стен-берегов. Мужчины и женщины всех возрастов и национальностей спешили в разные стороны, говорили на разных языках, заходили в бутики за баснословно дорогими журналами или безделушками, искали взглядами информационные табло.

Почти все кресла были заняты: пассажиры дремали, читали, говорили по телефону в ожидании вылета. Взгляд Матвея упал на девушку, закутанную в короткое белое пальто из искусственного меха, которая спала в кресле возле окна.

У девушки были длиннющие черные ресницы, похожие на крылья диковинной бабочка, и короткие светлые волосы. Тонкие пальцы, сжимающие воротник пальто, были сплошь унизаны серебряными кольцами, на ногтях поблескивал серебристый лак.

За спиной девушки заходил на посадку очередной огромный лайнер. Самолеты всегда казались Матвею рукотворным чудом: то, что такая махина может не только подниматься в воздух, но и перемещаться с огромной скоростью, соединяя города и страны, уже сделалось привычным, но все равно было недоступно его пониманию.

Матвей невольно замедлил шаг, потом и вовсе остановился, глядя на незнакомку. Кто-то толкнул его в спину, но он не обратил внимания. Девушка, в облике которой было что-то неземное, нездешнее; огромные машины, живущие в небе... Во всем этом было что-то чарующее, волшебное, но вместе с тем тревожное.

«Стоило ли мне соглашаться лететь туда?» – спросил себя Матвей.

Девушка вдруг резко открыла глаза, оказавшиеся прозрачно-зелеными, и посмотрела прямо на него. Подумала, наверное, что он полный придурок или маньяк: стоит посреди зала и пялится на незнакомоего человека. Матвей смущенно моргнул и отвернулся, заспешил прочь.

За бургер пришлось отдать в несколько раз больше обычной его цены (готовишься взлететь под облака, будь готов к заоблачным ценам!), а на вкус он напоминал картон. Или вкус был обычным, просто у Матвея неизвестно почему испортилось настроение и пропал аппетит.

Он оставил недоеденную булку с мясом на столе, взял стаканчик кофе и отправился обратно к Юлиане. Ему захотелось увидеть ее, поговорить – неважно, о чем, лишь бы обратить в слова и выплеснуть из себя неизвестно откуда взявшуюся тревогу.

Юлиана уткнулась в планшет – была поглощена чтением и не сразу заметила подошедшего Матвея.

– Чем ты так увлеклась? – спросил он, усаживаясь рядом.

Он отвела взгляд от экрана планшета.

– Статью читаю. Про место, куда мы летим.

– В самом деле?

Юлиана закинула ногу на ногу.

– От нечего делать взяла и набрала в поиске «Плава планина». Вылезла статья в каком-то сербском издании.

– Ты знаешь сербский?

Юлиана снисходительно посмотрела на Матвея.

– Вообще-то уже давно придумали программы-переводчики. Ты не в курсе?

– Не язви, – усмехнулся он. – Так что пишут?

– Туристический комплекс назван так же, как гора, на которой он построен. Ты знал, что Плаву планину – Синюю гору считают проклятым местом?

Ни о чем подобном Матвей не слышал. Да и не собирался заранее читать, собирать информацию: хотел, чтобы восприятие получилось ярким, непосредственным, ничем не замутненным, не навязанным извне. Когда он будет писать статью, то, конечно, изучит весь доступный материал, но поначалу хотелось бы положиться на свое собственное видение, составить личное впечатление.

Так что же – сказать Юлиане, чтобы замолчала, ничего ему не рассказывала? Так ведь не замолчит. Да ему и самому стало любопытно.

– Что значит – проклятым?

– Перевод, конечно, корявый, но суть понять можно. В тех местах люди не строят домов, не селятся, примерно уже лет сто. Давным-давно на горе была большая богатая деревня, но все жители ее вымерли за несколько дней. И с тех пор больше там никто не отваживался жить.

– Мор, наверное. Эпидемия какая-то, – предположил Матвей.

– Не знаю. Может быть. Написано, что вроде сначала люди снова хотели там поселиться: дома остались нетронутыми, подсобные хозяйства от прежних владельцев, скотина, все такое... Земля хорошая, плодородная, озеро и речка. Но все, кто пытались обосноваться, бесследно исчезали, и попытки прекратились. Люди стали обходить это место стороной. А те, кто случайно оказывались в тех местах, слышали, как по ночам там кто-то не то воет, не то стонет. Говорят, это бродят неупокоенные души бывших жителей проклятой деревни.

– Все? – Он смял стаканчик из-под кофе и выбросил в ближайший металлический бачок.

– Статья небольшая. Но тебе этого недостаточно? Почему твой друг решил строить отель именно в том месте, он не говорил?

Ее тон – напористый, с обвиняющими нотками – раздражал. Кем она себя возомнила? Законной женой? С языка чуть было не слетело что-то вроде «не нравится – можешь возвращаться обратно в Казань, никто не держит!», но Юлиана неожиданно робким голосом проговорила:

– Страшно немножко, да? Отель на месте проклятой деревни!

Это прозвучало по-детски, да она, в сущности, и была почти ребенком – двадцать четыре года, моложе его на восемь лет.

– Не верь всему, что пишут, – улыбнулся Матвей. – Авторитетно заявляю это как журналист с почти пятнадцатилетним стажем. Набрехать можно все, что угодно.

Юлиана улыбнулась в ответ и убрала планшет в сумку.

– И потом, комплекс «Плава планина» не обязательно построен именно там. Гора огромная, строиться можно в разных местах.

Она окончательно успокоилась – а может, не сильно-то и волновалась, прислонилась к его плечу и заговорила о чем-то. Матвей не вслушивался, да она и не ждала реакции. В этом смысле с Юлианой было легко: можно молчать, кивать, мычать что-то невнятное, способное сойти за одобрение.

Матвею же никак не удавалось съехать с мыслей о Синеи горе. Правда, знал Эдик историю этого места или нет? Или история – не более чем выдумка?

Эдик позвонил десять дней назад.

– Братишка, выручай! Без тебя никак! Заметь – не за «большое спасибо».

Они были одноклассниками, и, давно уже оставив позади школьное прошлое, продолжали не то чтобы близко дружить, но регулярно общаться.

Матвей учился в университете, параллельно работал – с восемнадцати лет писал заметки в газеты и журналы; карабкался по служебной лестнице – от внештатного корреспондента до главного редактора. Наступающий новый год готовился встретить, будучи руководителем пресс-центра, с хорошей (очень хорошей!) зарплатой и отличными перспективами.

Эдик все эти годы, в сущности, делал только одно: пытался всем вокруг доказать, что стоит чего-то сам по себе, а не вкупе с отцовскими миллионами. Отец сидел возле нефтяного крана, возглавлял крупнейший в Татарстане холдинг и мог обеспечить единственному сыну поистине королевский уровень жизни и безоблачное будущее.

Но у Эдика была причуда: он хотел непременно добиться всего сам. Получалось плохо, и все его «крутые вау-проекты» лопались один за другим. Правда, они и были сомнительного свойства: Эдика, который учился «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь» и ни в одной области нормально не разбирался, кидало в сторону то криптовалют, то детективного агентства, то разработки квест-комнат. Он даже пробовал продюсировать какую-то певичку и писать фантастические романы.

Причем денег у отца старался не просить, влезал в долги и кредиты. Но потом из долговых ям его доставал все-таки папенька.

– Что на этот раз? – устало спросил Матвей, привыкший к закидонам приятеля.

– Знаешь, что я почти год делал?

– Нет, – ответил Матвей и вспомнил, что от Эдика и в самом деле с прошлой зимы не было ни слуху, ни духу.

– Строил отель, туристический комплекс в Европе! Брат, уверен, это будет крутейший бомбический проект!

– Где конкретно в Европе?

– В Сербии. Купил там участок.

Ясно. И как только банки решаются связываться с Эдиком? А, впрочем, вряд ли они остаются в накладе. Отец всегда все возвращает с процентами.

– Сербия, вроде бы, не особо популярна в туристическом смысле, – осторожно заметил Матвей. – Там, кажется, горные курорты и еще Бани – вроде наших минеральных вод. Для здоровья полезно, но...

– Ты не понимаешь, это колоссальный потенциал! – перебил Эдик и пустился рассказывать о том, как собирается прилагать все силы для развития туризма на Балканах.

Матвей, не стараясь вникнуть и разобраться, ждал, когда Эдик закончит и перейдет к сути своего предложения.

– Уединенное место, чистый воздух, экология, природа – девственная! Круглый год можно ездить отдыхать. Прикинь – туристический сезон круглый год! Озеро, река, горные лыжи... К концу декабря заедет первая партия туристов, уже есть желающие. И вот тут мне и нужен ты! – Эдик выдержал драматическую паузу. – Я хочу, чтобы ты поехал туда, как турист, побыл там дня три – или сколько захочешь!

– Я работаю, вообще-то.

– Понимаю, но ты погоди отказываться! Можешь один ехать, хочешь – прихвати подружку. Я все вам оплачу: дорогу, проживание. И еще заплачу за статью. Если честно, хотелось бы серию статей.

Он назвал сумму, и Матвей едва не присвистнул. С финансами у него сейчас все было отлично, однако предложение бывшего одноклассника, что греха таить, звучало заманчиво.

– Ты умеешь, я знаю. Напиши так, чтобы все обалдели и повалили в «Плаву планину».

– Плаву... что?

– С сербского – «Синяя гора». Матвей, братишка, ты же гений журналистики!

Дальше последовал сплошной поток комплиментов и восхвалений. Эдик не скупился, лил елей полными ложками – ему нужно было согласие друга.

– Брат, ты знаешь, как для меня это важно. Не отказывайся, – закончил он и стал ждать ответа.

Матвей в любом случае планировал в конце декабря ехать в Москву. Оттуда можно и в Сербию улететь. Дня четыре на все, подгадать, чтобы выходные захватить... Почему нет? Отдохнуть немного, еще и денег заработать.

В общем, Матвей согласился, и Эдик был на седьмом небе от счастья. Матвей, в общем-то, тоже был доволен. До настоящего момента. Что-то свербело, грызло изнутри, не давало покоя. Еще статья эта... Знал Эдик, где строит свой чудо-отель или нет?

Матвей вспомнил – или ему только показалось, что вспомнил, а на самом деле просто выдал желаемое за действительное? – что Эдик, когда они встретились через день, вел себя немного странно. Нервничал и суетился больше обычного, и в глаза старался не смотреть. Но Эдик всегда напоминал заводную куклу на шарнирах: размахивал длинными руками, вертел головой, притопывал, прихихатывал, много говорил.

В тот раз всего этого было еще больше... Или нет?

А если все же было, то что тому причиной?

Приятелю было что скрывать или он просто боялся, что очередная затея окажется провальной, убыточной и ему снова придется расписываться в собственной несостоятельности?

Матвей чертыхнулся сквозь зубы, и Юлиана отстранилась от него, поглядела удивленно. Он успокаивающе погладил ее по щеке и тут увидел ее. Космическую незнакомку в белом.

Девушка вышла откуда-то справа и остановилась неподалеку. Похоже, они летят одним рейсом. Удивительное совпадение.

Матвей с блондинкой встретились взглядами, и он почувствовал, что краснеет.

– Ты чего на нее уставился? – ревниво спросила Юлиана.

– Прекрати. Ни на кого я не уставился, – огрызнулся он, чувствуя себя глупым подростком.

К счастью, в этот момент наконец-то объявили их рейс.

Глава вторая

В ад вроде бы спускаются, а он, наоборот, поднимался. Потому что для него настоящим адом были перелеты. Небо – бескрайняя бездна; нет опоры, нет поддержки. Иван Александрович ненавидел самолеты, терпеть не мог летать, но делать это время от времени приходилось.

В салоне он оказался одним из первых. Место у него было заранее забронировано – возле иллюминатора, в центре салона. С самого утра Иван Александрович ничего не ел – боялся, что будет тошнить при взлете, такое нередко с ним бывало, и теперь живот подводило от голода. Он привык завтракать в восемь утра: организм требовал свое.

Вещей у него при себе было немного. Он засунул на полку теплую куртку и небольшую сумку, пристегнулся ремнем, хотя и знал, что делать это еще рано. Старая сумка из мягкой коричневой кожи была своего рода талисманом: он много десятилетий подряд брал ее во всем поездки – и служебные, и в отпуск. Когда у сумки оторвалась ручка, он отнес ее в ремонт, и мастер поглядел удивленно: зачем ремонтировать эту рухлядь, платить лишние деньги? Куда практичнее и выгоднее купить новую качественную вещь!

Да, выгоднее, но для Ивана Александровича вопросы выгоды всегда были вторичны. Жена, которая умерла три года назад, называла его старым романтиком. Они были невероятно близки, может, потому и бездетны, и когда Соня ушла, Ивану Александровичу показалось, что часть его души ушла с нею вместе и теперь блуждает где-то. От этого жизнь стала казаться зыбкой и нереальной. Пугающе нестабильной.

Места рядом с Иваном Александровичем заняла чернокожая семья: мужчина с мощным торсом, женщина в торчащими в разные стороны жесткими волосами-спиральками и малышка лет трех, которая казалась уменьшенной копией матери.

Отец семейства долго запихивал вещи на полку. Яркая детская курточка не желала лежать, как полагается, и норовила свалиться, но на невозмутимом черном лице не было ни малейшего следа досады. Пристроив все вещи, мужчина уселся рядом с женой, которая держала на коленях дочку, и обратился к Ивану Александровичу по-английски:

– Привет!

«Сейчас он попросит уступить им место возле окна, – с тоской подумал Иван Александрович. – Придется объяснять, что я не могу лететь ни на каком другом месте, а он не поймет, потому что мой английский ужасен. Нужно будет звать стюардессу...»

Он не успел додумать, как сосед договорил:

– Вы не знаете, во сколько взлетаем?

От облегчения Иван Александрович засуетился, заулыбался. Ответил, что через десять минут. Хотя вопрос был странный: на руке мужчины блестели часы с огромным циферблатом.

По проходу прошла девушка в белом меховом пальто. Иван Александрович заметил ее еще в зале аэропорта. В облике девушки было что-то инопланетное, но вместе с тем – знакомое. Он понял, почему: она была немного похожа на юную Соню. Девушка прошла дальше и пропала из виду.

Забавно будет, если она тоже едет в «Плаву планину».

Хотя чем тут забавляться... Слова «забавно» и «Плава планина» никак не могли стоять рядом в одном предложении. Иван Александрович до сих пор не мог поверить, что решился на эту поездку.

Но останавливать его было некому. К тому же он знал, что не сможет не поехать. Иван Александрович долго ждал момента, когда ему нужно будет отправиться в этот путь, и когда он настал, смирился с неизбежным.

Но смириться – не значит успокоиться. Каждая жилка в его теле дрожала, каждый нерв вопил: «Беги! Сойди с самолета и возвращайся назад!»

Самолет медленно поплыл по взлетной полосе. Все, теперь уж ничего не изменить. Было много шансов не попасть на этот рейс, но Иван Александрович не воспользовался ни одним из них.

Когда шасси оторвались от земли, он почувствовал, как заложило уши, к горлу подступила знакомая тошнота.

– You okay? – участливо спросила чернокожая женщина, и Иван Александрович через силу улыбнулся.

«Плава планина не отпустит меня, – подумал он. – Я лечу умирать. А в остальном все просто замечательно».

Стюардесса, стоя в начале прохода, объясняла пассажирам, как надевать кислородные маски. Иван Александрович был, наверное, единственным человеком в самолете, который ничуть не боялся ни аварии, ни падения лайнера, ни разгерметизации салона – его страх был иного свойства. Если бы он поделился своими мыслями с кем-то, люди бы не поняли. Ни один нормальный человек в двадцать первом веке не станет бояться того, что пугало Ивана Александровича.

Спустя некоторое время он жевал принесенный стюардессой бутерброд, запивая его яблочным соком. Тошнота давно прошла, и чувствовал он себя вполне сносно. Правда, ногам было неудобно. Иван Александрович знал, что скоро затекшие от сидения в не самой удобной позе мышцы зануют.

Покончив с ланчем, он взял один из журналов, что предлагались пассажирам, начал листать. Картинки мелькали перед глазами, но Иван Александрович едва ли видел то, на что смотрел. Девочка, которая сидела на коленях у матери, пролепетала что-то, указывая пухлым пальчиком на пестрые страницы.

Ему вдруг вспомнилось, как они с матерью сидели в коридоре больницы в ожидании очередного обследования. Сколько их было – очередей, больниц, докторов... Никто не смог помочь. Излечиться полностью так и не получилось, и все же Иван Александрович был благодарен судьбе, что стадия его болезни была не самой сильной. Болезнь пощадила мозг, речевой центр, руки, поэтому то, что ему приходилось ходить, приволакивая ноги, казалось почти благословением.

Детский церебральный паралич ставит ребенка особняком от других детей. То, что остальным давалось легко и играючи, от него всегда требовало усилий.

– Зато ты самый смысленый! – говорила мама. – Никто не сможет убежать ногами туда, куда мой сын летит мыслями!

Она всегда гордилась им, всегда поддерживала. И отец тоже. Иван Александрович старался не подводить их, день за днем доказывая всему миру, что они не ошибаются в нем. Школа с золотой медалью. Зачисление в университет, сессии на одни пятерки. Лучший студент, самый перспективный аспирант. Кандидатская, докторская.

– Мы гордимся тобой, Иван! О таком сыне мечтает каждый отец, – сказал папа на ужине, устроенном в честь защиты докторской диссертации.

А потом они с матерью погибли: стариков, переходящих улицу, сбил пьяный лихач. Мир вновь, в очередной раз показал, как он жесток и несправедлив. И сопротивляться этому бесполезно.

К счастью, у Ивана Александровича оставалась Соня: жена всегда примиряла его со злом и хаосом. Однако ушла и она – и теперь он летел им навстречу.

Иван Александрович опустил журнал на колени и прикрыл глаза. Разница во времени у Москвы и Белграда – два часа. Ты вылетаешь в десять, находишься в полете чуть меньше трех часов. Приземляешься – а на часах одиннадцать, уже по местному времени. Настоящий полет в прошлое: двигаясь вперед, ты оказываешься в уже оставленной тобой точке бытия.

Стараясь заснуть, Иван Александрович точно знал, что не получится. Он весь был, как пружина, как туго натянутая тетива лука. Напряжение не отпускало, какой уж может быть сон.

Плава планина... Иван Александрович кропотливо собирал информацию об этом жутком месте задолго до того, как какой-то российский бизнесмен решил построить там туристический комплекс. До появления Интернета найти доступ к местным газетам и другим СМИ было сложно. Но все же он делал это – по крупицам, по крохам. Потом появились электронные издания, группы в соцсетях – и наблюдать стало проще.

Редко, порой раз в пять – десять лет, но Плава планина выплывала из небытия. И каждый раз новость касалась одного и того же: исчезновения людей. Забредшие случайно путники, безбашенные туристы, привлеченные нереальной красотой пейзажей, авантюристы, возжелавшие поселиться в живописном месте, дальние родственники умерших жителей, явившиеся за наследством – всех их объединяло одно.

Они отправлялись на Синюю гору и бесследно исчезали. Больше никто, никогда не видел их, понятия не имел, что с ними стало. Поиски ни к чему не приводили, впрочем, Иван Александрович сомневался, что местные власти сильно утруждались расследованием. Им-то все было ясно, недаром через все статьи и заметки рефреном шла фраза: «неоднократно предупреждали, что Плава планина – опасное место, куда не стоит ходить».

Но незнакомцы, желающие испытать судьбу, только смеялись: они не верили в выдумки, рассказанные старожилками.

Когда Ивану Александровичу попала на глаза статья о том, что некто купил землю и собирается строить туристический комплекс, он сразу понял, что это иностранец. Никому из местных, да и вообще – сербу в голову не пришло бы тревожить Плавку планину и то, что на ней обитает.

Несколько месяцев Иван Александрович с замиранием сердца следил за тем, как продвигалась стройка. Все шло наперекосяк. Зная, что сербы – одни из лучших строителей в Европе, Эдуард Шавалеев попытался нанять строителей из местных.

Однако попытки не увенчались успехом: большинство наотрез отказывалось даже приближаться к «проклятой горе», как окрестило Плавку планину одно издание; остальные готовы были работать только до захода солнца и не желали ночевать на месте стройки, а привозить – увозить рабочих казалось бизнесмену бессмысленным расточительством.

В итоге Шавалееву пришлось пойти на уступки и найти более или менее приемлемый вариант. В качестве рабочей силы привлекли приезжих, руководили стройкой сербы, но и те, и другие работали только до темноты и уезжали ночевать в соседний городок. По этой причине строительство продвигалось медленно и закончилось совсем недавно.

А теперь вот Иван Александрович, человек, на которого одно только название «проклятой горы» наводило ужас, летел туда в качестве туриста. Гостя.

Нужно пройти, размяться, решил он. Поднялся со своего кресла, неуклюже протиснулся мимо соседей. Девочка спала, и Иван Александрович позавидовал ее безмятежности. Мать тоже дремала, но сразу открыла глаза. Ее муж читал книгу. Оба они почти одновременно, как по команде улыбнулись. Мужчина встал, чтобы старику было легче пройти, и Иван Александрович виновато сморщился, чувствуя себя как никогда дряхлым, больным, беспомощным.

Ступая в раскоряку, он двинулся по проходу. Стюардесса вежливо предложила помощь, но Иван Александрович отказался. Зайдя в узкую кабинку, долго плескал в лицо водой, стараясь успокоиться, дышать ровнее.

«Еще ничего не случилось, а ты уже дергаешься, как нервная барышня!» – сказал он себе, но самоирония не помогла. Неожиданное успокоение принесла другая мысль: если плохому суждено случиться, оно случится. Причем совсем скоро. Он всегда, даже будучи совсем маленьким, встречал трудности и беды с достоинством, так пристало ли терять лицо в семьдесят семь лет?

Иван Александрович вытер руки бумажным полотенцем и вышел.

Когда он направлялся обратно к своему креслу – куда более твердой и решительной походкой! – навстречу ему попался мужчина лет тридцати пяти, чье лицо показалось знакомым.

На мужчине был серый свитер грубой вязки и черные джинсы – вещи явно дорогие, но не кричащие, без вычурности. Молодой человек посмотрел на старика, и Ивану Александровичу понравился этот взгляд – прямой и спокойный, без тени жалости или брезгливости. Мужчина улыбнулся, посторонившись, и пропустил Ивана Александровича.

Усаживаясь на свое место, он вспомнил, откуда знает этого человека. Мужчину звали Матвеем Сухих, он был известным в Татарстане журналистом, не боявшимся поднимать острые темы.

Материалы Матвея были отлично написаны, он работал редактором популярной газеты, вел колонку в журнале и авторский блог, который Иван Александрович всегда с интересом читал.

Интересно, куда он летит? У Сухих дела в Белграде или еще где-то в Сербии? Но сердце подсказывало: это не так. Журналист держит путь туда же, куда и сам Иван Александрович.

Плава планина, «проклятая гора», позвала и его.

Хотелось бы знать почему.

Глава третья

По сравнению с аэропортом Шереметьево Белградский аэропорт оказался просто крошечным. Вера Ивановна впервые за пятьдесят девять лет попала за границу, и ей казалось, что все тут будет, как в кино или на картинке в глянцевом журнале, – бурлить, переливаться огнями и вообще всячески поражать воображение красотой и размахом.

От обыденности и простоты увиденного ее охватило не то чтобы разочарование, но чувство беспокойства, которое жило в ней с того момента, как они с мужем сели в поезд до Москвы.

Супруги забрали с ленты свой багаж, прошли по «зеленому» коридору. Вера Ивановна со смущением вспомнила, как в Шереметьево она боялась пройти по нему и все уговаривала мужа уточнить, не нужно ли им все-таки пройти через «красный».

– Я читала, что если они вдруг обыщут и найдут что-то запрещенное, то потом не докажешь, что ты не знал! Снимут с рейса или еще что похуже!

Борис Семенович закатывал глаза, еле сдерживая крепкое словцо.

– Ты что, наркотики везешь? Или яйца Фаберже?

– Как будто только это запрещено! Ты-то откуда знаешь, как это бывает?

Крыть мужу было нечем: он тоже впервые летел за рубеж, так что Борис Семенович сдался, и они пошли одолевать таможенницу, которая скучала на входе в «красный» коридор. Несмотря на неприступный вид, оказалась она женщиной понимающей, немного моложе их с Борисом Семеновичем. Объяснила, что все в порядке, ничего им декларировать не нужно, и отпустила с миром.

Вера Ивановна знала, что человек она нервный, непростой. Может, сказывалась профессия: всю жизнь, до самой пенсии, проработала в бухгалтерии. Дело свое знала назубок, но постоянно боялась ошибиться. Не ошиблась, за что и была награждена многочисленными грамотами и даже удостоена звания «Ветеран труда».

Она постоянно сомневалась, страхи и волнения одолевали ее ежеминутно, и это раздражало ее мужа, человека прямого и основательного. Решение полететь в Сербию, отдохнуть на курорте под странным, но красивым певучим названием «Плава планина» далось ей непросто, и даже уже оказавшись в купе поезда, Вера Ивановна мучилась от сознания того, не совершили ли они ошибки, могут ли себе позволить зарубежный отдых – в их-то положении.

– Мам, ну в каком положении! – восклицала дочь Люся. – Вы оба на пенсии, торопиться некуда. Всю жизнь пахали, как рабы, можно отдохнуть или нет? Что тут думать-то?

Путевку подарила им дочь. Вернее, она выиграла поездку в горы на двоих и решила отправить туда родителей.

Люся вообще обладала уникальной везучестью. Удачливость была ее частью, как цвет глаз, рост или тембр голоса. Однажды, еще будучи девятнадцатилетней студенткой, она ехала в автобусе и увидела в окно огромную очередь.

Вышла, пристроилась в «хвост» и узнала, что какая-то компания проводит розыгрыш холодильника в честь открытия нового магазина. Тянешь бумажку – и узнаешь, повезло или нет. Пока никому не везло. Люся мало того, что умудрилась протиснуться за считанные минуты вперед, хотя народ стоял, плотно сомкнув ряды, так еще и вытащила заветный выигрышный номер.

В общем, Люсе в очередной раз повезло, и она поделилась счастьем с родителями. Отец, который только-только вышел на пенсию (повезло с годом рождения, еще бы чуть-чуть – и заветный рубеж отодвинули в связи с повышением пенсионного возраста), неожиданно горячо поддержал идею поездки на отдых, и Вера Ивановна сама не заметила, как начала метаться в поисках приличного чемодана и одежды для заграничной поездки. Путевка досталась бес-

платно, дорогу из Казани до Москвы и обратно оплатила дочь, но все равно пришлось распотрошить кубышку.

– А вдруг мы его не найдем? – спросила она.

– Кого? – отозвался Борис Семенович. – Водителя? Так ведь он будет табличку... Ага, вот и он!

Они поспешили к широкоплечему высокому мужчине лет пятидесяти, который сжимал в руках листок с надписью: «Плава планина». Возле него уже топталась небольшая группа людей.

«Слава богу!» – подумала Вера Ивановна, увидев, что люди, с которыми ей предстояло отдыхать, выглядят вполне прилично.

– Здравствуйте, – поздоровалась она со всеми сразу, и они заулыбались, закивали в ответ, а водитель, которому предстояло погрузить их всех в автобус и отвезти в отель, рокошующим басом проговорил:

– Добар дан!

– Все в сборе? – спросил молодой человек в свитере и джинсах, на руке которого повисла симпатичная девушка. – Можем выдвигаться?

Водитель обернулся к нему.

– Шестнаест, – сказал он.

Видимо, понимал по-русски, но говорить не мог. «Ничего себе, а как же мы будем общаться?» – подняло голову беспокойство.

– Нас должно быть шестнадцать, – пояснил пожилой седой мужчина интеллигентного вида, в очках в тонкой золотой оправе.

Вера Ивановна заметила его еще во время посадки на самолет: он приволакивал странно вывернутые ноги. ДЦП, сразу поняла она, и прониклась к нему сочувствием.

– Одного человека не хватает. Думаю, придется подождать.

– Вы знаете сербский? – спросила девушка, которая сопровождала молодого мужчину в свитере.

Старик открыл рот, чтобы ответить, но не успел. Молодая женщина несколько вызывающего вида в белой шубке, увешанная серебряными украшениями, проговорила:

– Не надо никого ждать. Он не придет.

Голос у нее оказался мелодичный и звучный, как у певицы. Вере Ивановне стало жалко светловолосую девушку: тут к гадалке не ходи, и так ясно, что она говорит о своем парне или женихе. Вон, как губки поджала.

Пожилой мужчина, которого Вера Ивановна про себя окрестила «Профессором», сказал что-то водителю, и тот улыбнулся, сделав всем знак следовать за собой.

Их небольшая группа вышла из здания аэропорта, и тут Вера Ивановна впервые осознала, что они попали в южную страну. После казанских и московских морозов, снегов и метелей, она словно очутилась опять в октябре. Небо хмурилось, грозя разразиться дождем, было ветрено, но снега не было, мороза и подавно, так что ее теплый пуховик с меховой оторочкой оказался неуместен.

– Конец декабря, а тут такая теплынь, – сказала она.

– В горах, наверное, есть снег, – предположил муж.

Путешественники погрузились в белый микроавтобус. Их с мужем и Профессора пропустили первыми, из уважения к возрасту – они были самыми пожилыми среди всех.

Детей не было, кроме девочки-подростка лет четырнадцати – пятнадцати, но ее ребенком назвать язык не поворачивался. Высокая, полноватая, с подведенными синим карандашом глазами, жгуче-черными волосами и вполне оформившейся фигурой, она постоянно жевала жвачку и слушала что-то, нацепив наушники. Девочка ехала с родителями, и Вера Ивановна подумала, что им, небось, нелегко было уговорить дочь отправиться в семейную поездку.

Профессор взял на себя роль переводчика. Он сел рядом с водителем и, когда все угнездились на своих местах, сказал:

– Нашего провожатого зовут Драган, он довезет нас до... – Тут он слегка запнулся, – до туристического комплекса. Там нас должны встретить и расселить по домикам.

В этом, как говорилось в рекламном проспекте, была изюминка нового курорта. Не одна многоэтажка на всех – улей с комнатами-сотами, а свой, отдельный коттедж для каждого. Величина и благоустройство коттеджа зависят от пожеланий и финансовых возможностей гостя. Есть скромные, небольшие, а есть шикарные люксы.

Все это отлично, вот только никакой особой новизны, по мнению Веры Ивановны, в затее не было. Раньше в России строили базы и дома отдыха, и они с мужем в молодости часто ездили туда отдыхать – и вдвоем, и с дочкой. И тоже жили в отдельном домике, а готовили на общей кухне или ходили в столовую. Правда, никаких люксов не предполагалось: обстановка самая что ни есть спартанская.

Между тем автобус тронулся с места, выехал с территории аэропорта. Мимо потянулись поля, плоская равнина без намека на горы. То и дело они заезжали в поселки и деревеньки, дома в которых были совсем не похожи на те, что строили на родине, в России; иногда пересекали мостики, перекинутые через речки.

– Ехать будем примерно четыре часа, – перевел Профессор слова Драгана. – Можно поспать после перелета.

Водитель включил негромкую музыку, и приятный мужской голос запел на незнакомом языке. Дочь перед поездкой сказала ей, что сербский – точь-в-точь как русский, но, судя по всему, была неправа. Вере Ивановне удавалось разобрать лишь отдельные слова, а общий смысл ускользал. Зато надписи на зданиях в поселках читались легко и были понятны сразу: «Апотека», «Продавница», «Пекара», «Кафана».

Профессор предложил познакомиться, и все пассажиры один за другим послушно назвали свои имена. Вера Ивановна с мужем тоже назвали, но запомнить, как кого зовут, не получилось. Слишком много имен и лиц. В памяти осталось только имя Профессора – Иван Александрович, да грустной девушки в белом, которую звали Ольгой.

Поселки сменяли друг друга, перемежались гектарами полей. Поначалу Вера Ивановна старалась рассмотреть окружающий пейзаж, но вскоре устала от его однообразия и задремала.

А когда проснулась и поглядела в окно, не поверила своим глазам. Показалось, будто она попала совсем в другую страну. Никаких полей, долин, речушек и поселков больше не было.

Узкая дорога уводила в горы, с каждым поворотом поднимаясь все выше. С правой стороны тянулся отвесный склон, сплошь покрытый деревьями и кустарниками, с левой – обрыв, на который было страшно смотреть.

Иногда вместо кручи взору открывались более или менее широкие площадки, но за ними таился все тот же обрыв, и сердце Веры Ивановны замирало при мысли о том, что будет, если водитель окажется недостаточно осторожен.

– А вдруг навстречу поедет другая машина? – вполголоса спросила она.

– Проснулась? – Муж, видимо, так и не сомкнул глаз. Он не мог спать в дороге – ни в поездах, ни в самолетах, ни в автомобилях.

– Как мы разведемся? – настаивала Вера Ивановна.

– Да уж как-нибудь, – ответил Борис Семенович. – Видишь же, дорога в некоторых местах расширяется, там можно разминуться.

– Придется же пятиться задом, и...

– Перестань, – оборвал он. – Дорога отличная. Водитель аккуратный, опытный, не гонит, не лихачит. И за все время, что мы едем в гору, ни одна машина не попала навстречу. За нами тоже никто не едет, так что успокойся.

Муж, видимо, и впрямь рассчитывал этими словами успокоить ее, но вопреки его намерению Вере Ивановне стало еще тревожнее. Они едут и едут (и сколько уже проехали, пока она спала!), забираются все дальше, поднимаются на такую высоты и, видимо, будут там совсем одни.

А вдруг произойдет что-то непредвиденное – пожар, например? Кто-то заболеет или поранится? А если начнется снегопад или какой-то природный катаклизм – как помощь доберется до них?

– Который час? – спросила она, чтобы как-то отвлечься от пугающих мыслей.

– По местному времени почти три пополудни. Часа через полтора – два стемнеет, но мы успеем до темноты. Еще немного осталось.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Автобус вдруг остановился.

– Смотровая площадка, – странным, каким-то механическим голосом объявил Иван Александрович. – Отсюда открывается изумительный вид. Кто-нибудь хочет выйти, посмотреть и пофотографироваться?

Желание изъявили почти все, кроме Профессора, которому, вероятно, тяжело было залезать и вылезать.

Драган и Иван Александрович не солгали: от открывавшейся перед ними панорамы захватывало дух. Замершие от восторга путешественники столпились на ровной, ничем не огороженной квадратной площадке, а далеко внизу раскинулась, как показалось Вере Ивановне, вся Сербия.

Виднелись ровные прямоугольники полей, причудливые линии дорог, небольшие перелески, домики под красными крышами. Предзакатное солнце, выглянувшее из-за облаков, заливало все вокруг теплым жидким золотом.

– Надо же! Никогда ничего подобного не видела! – восхитилась Вера Ивановна.

Скоро, правда, солнце спряталось за тучу, стал накрапывать дождик, и туристы, опасаясь промокнуть, юркнули обратно в автобус.

Они расселись по местам и снова покатали вверх. Стоя на площадке, Вера Ивановна полагала, что они уже почти добрались до вершины, но, как выяснилось, ошиблась. Автобус упорно полз вперед, взбираясь на самую вершину Синея горы. Дорога становилась все *уже*, обрыв – все отвеснее.

«Быстрее бы уже приехать! – мысленно взмолилась Вера Ивановна, чувствуя подступающее головокружение, и, спустя пару минут, словно услышав ее просьбу, Профессор возвестил:

– Драган сказал, за следующим поворотом – наше место назначения.

Голос у него был все такой же неестественный, неживой. Что с ним творится? Может, плохо себя чувствует, устал?

Еще через минуту их путешествие, наконец-то, завершилось. Автобус плавно притормозил, и двери открылись.

Глава четвертая

Асфальтированная дорога заканчивалась у въезда на территорию туристического комплекса. Гости оказались почти на самой вершине Синей горы. Еще выше вела узкая колея, человек при желании подняться на самый пик смог бы, автомобиль – нет.

С трех сторон «Плаву планину» окружали скалистые склоны, сплошь покрытые густым лесом. С одной стороны огромная территория комплекса оканчивалась обрывом, огороженным невысоким заборчиком, к краю которого и подойти было страшно.

Дамир вышел из автобуса, волоча за собой сумки. Потоптался, разминая затекшие ноги. Спина, как говорила в таких случаях жена, разламывалась, и он знал, что без обезболивающего сегодня не заснет. Сначала трехчасовой перелет, потом долгая поездка в автобусе... Он потер поясницу, и Света бросила в его сторону озабоченный взгляд.

– Больно?

– Терпимо, – соврал он.

«По крайней мере, куда лучше, чем этому бедолаге», – подумал Дамир, глядя на Ивана Александровича. Старик еле-еле ковылял, бледное лицо покрылось испариной.

Они вышли одними из первых и ждали, пока остальные покинут салон автобуса. Диана лениво перекатывала во рту жвачку и озиралась по сторонам. В больших, чуть навывкате, как и у Светы, карих глазах – ни капли интереса к происходящему. Как можно быть такой юной, но уже настолько уставшей от жизни, что ничто не способно тебя удивить или обрадовать?

Дамир почувствовал, как к горлу подкатило знакомое раздражение, и отвернулся от дочери. Куда подевалась милая, ласковая малышка с доверчивым взглядом и широкой улыбкой? Подросших детей любить сложнее. Он, конечно, как любой нормальный отец, отдал бы жизнь, защищая Диану, но разрази его гром, если понимал, чем она живет, что творится в ее голове.

Откуда взялось это выводящее из себя сознание собственного превосходства над всеми? Это высокомерие, ленца во взгляде, манера кривить рот в презрительной усмешке и цедить слова сквозь зубы?

Но если до общения с ним дочь еще время от времени снисходила, то к бедной Светлане и вовсе относилась как к существу низшего порядка. Мать, по ее мнению, не так одевалась, не так красилась и вела себя, не тем была занята в жизни. И все это безапелляционным тоном высказывалось в лицо.

Дамир пробовал делать замечания, выговаривал дочери за грубость, но никакого воздействия это не возымело. Возможно, потому что он и сам, во время ссор, которые стали уже привычными, бросал в лицо Свете примерно то же самое.

Вдобавок жена, за которую он пробовал вступаться, немедленно вставала на сторону обожаемой дочери и начинала ругаться с ним! Абсурд – и вся их жизнь, и эти нездоровые отношения.

Впрочем, что во всем этом удивительного? Не может ребенок вырасти добрым, внимательным, чутким, как минимум – адекватным, в семье, где родители то и дело ссорятся друг на друга, живут параллельными жизнями.

Дамир надеялся, что совместный отпуск пойдет им всем на пользу. А если формулировать предельно честно, то решил: если тут, вдали от рутинной жизни, наедине друг с другом, когда ничто не отвлекает и не мешает, они не смогут сблизиться, найти общий язык, то он подаст на развод. Оставит жене квартиру, благо, есть возможность купить себе жилье, и уйдет.

Пусть Светлана в кои-то веки сама позаботится о том, чем заполнить холодильник, как вовремя заплатить за коммуналку. Пусть подойдет к зеркалу и сама у себя попросит денег на новые туфли и маникюр.

«А Диана? С кем останется она?»

Дамир покосился на дочь. Она в том возрасте, когда ребенок сам вправе выбирать, с кем из родителей остаться. Ладно, зачем загадывать. Пока, в общем-то, о разводе речи не шло.

Из автобуса вышла последняя пассажирка – экстравагантная, короткостриженная блондинка в белой шубке нараспашку. Поглядела вокруг с таким видом, как будто не понимала, как сюда попала. Красивая, подумалось Дамиру, но с лица воду не пить. Светлана в юности тоже была хороша, как картинка, но это не помешало им отдалиться, охладеть друг к другу.

– Я полагаю, кто-то должен нас встретить? – громко спросил высокий, на голову выше самого Дамира, мужчина, рядом с которым стояла молоденькая хорошенькая девушка.

Дамир вспомнил, что у парня необычная фамилия, а зовут его, кажется, Матвеем. Помимо воли он ощутил что-то похожее на зависть. У этого типа, скорее всего, нет проблем в обращении с девушками. Если что-то пошло не так с одной, всегда можно переключиться на другую.

Хромоногий старик вполголоса говорил о чем-то с водителем, которого звали мудреным незапоминающимся сербским именем. Он вышел из автобуса вместе со своими пассажирами.

Все остальные тоже переговаривались со своими спутниками – все, кроме стоящей в стороне блондинки, которой говорить было не с кем. Но она, судя по отрешенному виду и застывшему взгляду, похоже, и не страдала от недостатка общения.

– Драган говорит, что у него были указания довести нас до места, а теперь он должен ехать обратно, чтобы успеть до темноты.

В подтверждение этих слов водитель улыбнулся, помахал рукой, готовясь забраться в автобус, и сказал еще что-то.

– Он говорит, что привозил сюда работников комплекса. Некоторые добрались самостоятельно, на своих автомобилях. Тут полно народу, волноваться не о чем, – послушно перевел старик.

– Погодите, как же так? – вибрирующим голосом проговорила женщина лет шестидесяти. – Он возьмет и преспокойно уедет, а мы...

– Вера! Прекрати, пожалуйста! – одернул ее полноватый седовласый мужчина в очках. Видимо, муж. – Не маленькие, разберемся.

– Все сильно заняты, готовятся ко встрече с нами, – хихикнула рыжеволосая девушка, которая была в компании двух таких же хихикающих вертлявых подружек и трех молодых людей несколько развязного вида.

Водитель Драган тем временем с непонятной поспешностью уселся на свое место и закрыл двери. Минута – и автобус начал разворачиваться, чтобы отправиться обратно. Все разом заговорили, загомонили, но никто не остановил его, и автобус уехал, оставив пятнадцать российских туристов на вершине высоченной горы.

– Ну, теперь уж придется устраиваться. Выбора нет, – сказал Матвей – мачо в модном свитере. – Думаю, нам стоит пройти в административный корпус. Видите надпись? – Он махнул рукой в сторону большого двухэтажного здания. – Администратор нас расселит по коттеджам.

Сказал – и, не дожидаясь реакции, пошел вперед. Его спутница устремилась за ним, все остальные двинулись следом.

Территория выглядела ухоженной: всюду клумбы, аллеи, скульптуры, дорожки, живописные деревья, лавочки. Ресторан, спортивный комплекс – все, как и было в рекламном проспекте.

Домики, в которых им предстояло жить, были разбросаны по всей площади. Все они были выстроены в одном стиле, но одни больше, другие – меньше. У двух, рассчитанных на две семьи, имелись два отдельных входа.

За административным зданием находилась служебная парковка, на ней стояло несколько автомобилей.

– У меня телефон не ловит! – громко сказала одна из стайки девиц-подружек, все та же рыженькая. – У кого-нибудь есть связь?

В ответ раздалось нестройное гомоса: обшй смышл сослоал в том, что приема тут нет.

«А что вы хотели? Здесь же горы, а не центр города!» – подумал Дамир, который тоже достал сотовый и убедился, что, как и все, находится вне зоны доступа.

– Видишь, служащие здесь! Раз их машины стоят, – произнес мужской гомос за спиной Дамира. – Нечего дергаться.

– Вечно у нас все не как у людей, – ворчливо заметила Диана. – Какого фига я сюда потащилась?

– Может, хватит? – не сдержался Дамир. – Отдыхать приехала, а как старуха столетняя, всем недовольна. Тебя что, вагоны разгружать заставляют? До смерти надоело любоваться на твою кислую физиономию.

– Не ори на ребенка.

Дочь закатила глаза, прижала ладони к наушникам, чтобы не слышать звуков внешнего мира.

«Остается радоваться постоянству жизни. Милые девочки, любимая семья».

Они прошли мимо причудливого полукруглого здания. Вывеска гласила, что это бар и ресторан.

– С голоду точно не помрем, – весело заметил Матвей.

Его девушка прощелбетала что-то, и они оба засмеялись.

Туристы добрались до здания с табличкой «Администрация» и по одному стали подниматься на ступеньки, попадая в холл. Дамир с семьей оказались внутри одними из первых.

Просторное помещение сверкало чистотой. Здесь было нарядно, стильно и вместе с тем уютно.

– До чего тут мило! – сказала Светлана, и это был один из редких случаев, когда Дамир с ней согласился.

Стойка администратора оказалась пуста, но на ней были выложены ключи. Каждый ключ покоился на карточке с фамилией гостя.

– Вот ключ от нашего коттеджа. Нас ждали! – сказала спутница Матвея, которая первой подошла к стойке.

Постояльцы сгруппировались в холле: одни обходили зал, с любопытством оглядываясь, другие пытались куда-то дозвониться. Хромоногий старик прислонился к стене, вид у нее был еще более нездоровый, чем раньше. Трио девушек уселось на диванчик, принявшись болтать. Матвей и еще несколько человек стояли у стойки.

– Может, стоит взять свои ключи и пойти устраиваться? Наверное, от нас этого и ждут, – предположил Дамир.

– Почему тут никого нет – даже охраны? – требовательно спросила девушка Матвея, и тот недовольно поглядел на нее.

– Возможно, у них пересменка или что-то в этом роде, – присоединилась к обсуждениям блондинка в белой шубке.

– Не знаю, не знаю. – Светлана вопросительно поглядела на мужа. – Думаешь, можно вот так взять ключ и пойти?

– А почему нет? – ответил за него Матвей. – На карточке указан номер домика, так что мы вполне можем заселиться.

– Номера мы знали заранее, – сварливо заметила пожилая женщина. Она нервно покусывала губы, всем видом демонстрируя, что происходящее ей не по нраву.

– Вы как хотите, а я беру ключи и иду, – решительно сказал Матвей, взял со стойки ключ с карточкой и, не обращая внимания ни на кого, двинулся к выходу. Его девушка, как обычно, семенила за ним.

Дамиру не хотелось сразу же следовать примеру Матвея – как будто ему требовалось разрешение этого пижона!

– Так мы идем или нет? – капризно спросила Диана. – Устала как собака.

Дамир отыскал их ключи.

Подходя к входной двери, он оглянулся и увидел, что все гости один за другим берут ключи от своих коттеджей.

Света волокла за собой чемодан на колесиках, Дамир тащил две огромных сумки, которые оттягивали плечи. Спина ныла все сильнее, и Дамир злился на дочь, которая несла самую легкую сумку, и на жену, которая спокойно на это взирала.

Хотелось высказаться, но затевать очередную свару желания не было. Он знал, что, пожалуясь он на лень и безразличие дочери, как Светлана немедленно заявит: Диана слишком мала и юна для физических нагрузок.

К счастью, их домик находился неподалеку, а не в где-нибудь в конце площадки. Место было удачное: не на отшибе, близко к обрыву, и не на выезде. Правда, ресторан совсем рядом – вдруг будут мешать шумные посетители?

Рядом с коттеджем росло большое дерево – кажется, туя. Дамир не был силен в ботанике. Пока шли, дождь начал лить сильнее, так что последние метры они вынуждены были преодолеть почти бегом, стремясь под крышу веранды, чтобы не вымокнуть.

– Ничего себе, погодка под Новый год! Дождя только не хватало, – проговорила дочь.

– Это ведь не Казань, тут морозов нет, – ответила Светлана.

– А то без тебя не вижу, что не Казань!

Дамир поставил сумки на пол и сунул ключ в скважину. Скорее бы в душ и лечь спать – даже есть не хотелось, хотя за весь день он сжевал только пластмассовый сэндвич в самолете.

В домике тоже выглядело именно так, как в рекламных проспектах, которые показывали ему в туристическом агентстве.

– Комплекс совершенно новый, вы будете первыми гостями, – пела длинноногая девушка-сотрудница. – Все для удобства клиента, каждый номер, вне зависимости от цены, оборудован великолепно. «Плава планина» предлагает домашний уют и весь спектр услуг на фоне уникальной природы.

Из холла вели две двери, за которыми находились спальни – каждая со своей ванной комнатой. За небольшой аркой – общая гостиная. Новенькая мебель, цветы, ковер, шторы, картины – все было подобрано со вкусом и не выглядело казенным. Много места, много света и воздуха. Если бы не усталость, раздражение из-за поведения дочери и жены, не грызущая боль в спине, Дамир порадовался бы тому, что ему придется провести здесь какое-то время.

– Круто! – протянула дочь, и Светлана с умилением улыбнулась.

«Неужели кому-то удалось угодить нашему монстру?» – подумал Дамир, проникаясь невольным уважением и признательностью к владельцу «Плав планины».

Они какое-то время побродили по комнатам, обмениваясь впечатлениями. Потом Диана завалилась в кровать, Светлана взялась за чемодан.

– Я в душ, – сказал Дамир. – Найди мне чистые вещи, переодеться.

– Сильно устал? – обернулась к нему Света, и беспокойство в ее голосе показалось неуместным. К чему эти запоздалые проявления заботы? Что изменится от того, что она спросит, а он ответит?

Дамир сделал вид, что не расслышал, и скрылся в ванной, как в бомбоубежище. Видеть никого не хотелось.

Горячая вода, к тому же под отличным напором, сделала свое дело. Он с наслаждением подставлял тело под тугие струи, думая о том, что все еще может наладиться. Усталость постепенно отступала, и Дамир решил, что, пожалуй, сходит поужинать в ресторан.

Захотелось выпить коньяку, съесть что-нибудь мясное, острое, и чтобы обязательно были оливки и говяжий язык. Он понял, что голоден. Если и кухня здесь такая же отличная, как и все остальное, то отдых может и вправду принести удовольствие. Им всем пойдёт на пользу эта поездка.

Потянуло холодом – открылась дверь.

– Ты что-то долго. Все хорошо?

– Угу.

– Я тебе белье принесла, – сказала жена. – И халат. Тут такие халаты хорошие, махровые.

– Спасибо, – ответил он и спросил себя, почему все, что она говорит, в последнее время кажется ему глупым.

Светлана постояла, словно ожидая, что еще он скажет. Не дождалась и вышла, притворив за собой дверь.

Вылезать из ванны не хотелось. Он набрал воды, напустил ароматной пены, прилег. «Чем не рай?» – подумалось ему. Дамир прикрыл глаза, погружаясь в дрему.

Когда вода стала остывать, он вытащил пробку, снова встал под душ, чувствуя, что заново родился. Боль в спине прошла, тело приятно покалывало. Ладно, пора и честь знать. Сколько он уже тут плещется?

Дамир закрыл воду, постоял немного, чувствуя, как вода стекает с тела. Из комнат раздавались знакомые голоса: жена спросила о чем-то, дочь ответила. Он прислушался, но больше не услышал ничего. Никаких привычных уху городского жителя шумов – лишь шорох дождя за окном.

Уединенное место, подумалось ему, случись что, не докричишься, не дозовешься. Ему вдруг стало зябко, по коже побежали мурашки. Дамир поспешно потянулся за полотенцем.

Зеркало запотело, и он протер его ладонью, а потом некоторое время придиричиво вглядывался в свое отражение, решая, стоит ему бриться или можно подождать.

В отличие от счастливиц, которые с отросшей щетиной выглядели грубо и вместе с тем элегантно, Дамир был похож на законченного забулдыгу. Однажды он попытался отпустить бороду, чтобы скрыть чуть скошенный подбородок, но вышло только хуже: неровная, клочковатая поросль портила и без того не идеальную внешность.

«Вроде нормально», – вынес он вердикт и решил отложить бритье до утра.

После горячего душа Дамиру показалось, что в комнате прохладно. Светлана все еще распаковывала вещи, резкими, порывистыми движениями выдергивая их из чемоданов и сумок.

– Есть хочется. Пойдем в ресторан, – предложил он, усаживаясь в кресло.

– Дел полно. Закончу, тоже сполоснусь – и сходим, – хмуро отозвалась жена. Видимо, с Дианой поцапались, понял Дамир, но не стал ни о чем спрашивать, чтобы не портить настроение и не нарушать с трудом восстановившееся душевное равновесие.

– Хорошо, – кротко согласился он. – Только давай уж не тяни.

Светлана обернулась к нему, держа в руках какую-то пеструю тряпку. Видимо, то, что муж не стал ворчать и возражать, смягчило ее.

– Я быстро, – проговорила она. – Минут пятнадцать – и пойдем. Приляг пока. Дианке еду в номер закажем. Я ей велела вещи разложить, а она огрызается.

Дамир вдруг вспомнил, как они познакомились. Вернее, то, на что он обратил внимание, впервые увидев Свету: у нее была на удивление чистая, детская улыбка – открытая, немного застенчивая.

Взрослея, люди перестают так улыбаться, а эта девушка – не разучилась. Он влюбился в эту улыбку, и, может быть, если бы Светлана улыбалась чаще, не было бы у них этих проблем, скандалов, всей этой унылой рутины.

Они смотрели друг на друга, словно настраиваясь на одну волну, проникая друг в друга, как делали это раньше, и уголки ее губ поползли вверх.

«Не все еще потеряно, – подумал Дамир. – Определенно, не все».

Светлана снова занялась вещами, но нервная энергия, от которой, казалось, блузки и брюки искрились в ее руках, пропала.

– Закажем шампанского. И мороженое, – предложила она.

– Конечно. И поесть бы еще чего-нибудь, – сказал Дамир, и Света рассмеялась, как будто он сказал что-то невероятно остроумное.

«Почему мы не можем всегда вот так общаться?» – подумал он и даже вздрогнул, когда жена сказала:

– Так хорошо говорим с тобой сейчас, легко. Почему не получается всегда...

В этот момент в дверь постучали.

Света поглядела на мужа.

– Кто это? Горничная?

– Диана! – позвал Дамир вместо ответа.

Дочь не ответила.

– У нее музыка в наушниках грохочет. Я открою.

Дамир махнул рукой – мол, занимайся своим делом, и встал с кресла. Стук повторился. А через миг – снова. Он был громким и настойчивым: неизвестный посетитель не стучал деликатно костяшками пальцев, а молотил кулаком, что есть мочи.

– Чего так долбиться-то? – возмутилась Светлана. – Безобразие!

Дамир пошел к двери, путаясь в полах халата.

– Иду! – Тапок слетел с ноги, и он хотел надеть его, но не стал, так и пошел дальше, наполовину босой. – Черт-те что! Иду, кому там неймется!

Он пересек холл, бросив беглый взгляд в сторону комнаты дочери. Дверь была закрыта. Наверняка девчонка и не думает заниматься вещами – валяется на кровати и слушает музыку.

В дверь опять забарабанили.

«Как на пожар!» – мелькнула мысль.

Кто знает – возможно, действительно что-то нехорошее случилось. Даже не подумав спросить, кто там, не заглянув в глазок, Дамир распахнул дверь.

Глава пятая

Муж запер дверь домика, и они отправились в ресторан на ужин. То, что никто из персонала так и не удосужился встретить постояльцев, не шло из головы. Это было странно и, как говаривала мама, не по-людски.

Впрочем, пока все шло гладко. Они без труда нашли свой дом, открыли дверь, разложили вещи. Гостиная, спальня, все заявленные удобства – рекламный проспект не врал, хотя втайне Вера Ивановна и была готова, что им подsunут что-то поплoше обещанного: всем известно, где бывает бесплатный сыр. Но нет, не обманули.

– Люсе бы позвонить, – вздохнула она, понимая, что не получится: связи в горах нет.

– После ужина зайдeм в администрацию, попросим, чтобы дали пароль от вайфая. Напишeшь ей, сообщишь, – сказал Борис Семенович, проводя щеткой по влажным, только что вымытым волосам.

– Высуши феном, – думая о своем, рассеянно сказала Вера Ивановна. – Простудишься на улице.

Муж только отмахнулся.

Они шли к ресторану медленно, держа над собой раскрытый зонт, который запасливая Вера Ивановна привезла с собой из Казани, игнорируя сердитые взгляды мужа.

«Ты братъ не хотел – а вот видишь, пригодился зонтик-то!» – хотела она сказать, но не сказала. Борис Семенович не любил чувствовать себя неправым.

Сумерки уже были густыми, как сметана. Половина пятого, но скоро будет темно, как ночью.

В тех коттеджах, куда заселились отдыхающие, горел свет, шторы почти везде были задернуты. Вроде бы завтра должны приехать и другие группы туристов – тогда все дома окажутся занятыми.

В дальнем конце «Плавы планины», ближе к обрыву, стоял большой коттедж – туда заехала компания из шести человек: молодежь, три девушки, три парня. Теперь с той стороны слышалась громкая музыка. Скоро вся эта шатия-братия завалится в ресторан, и тогда покоя не жди, недовольно подумала Вера Ивановна.

Их с мужем домик был расположен недалеко от администрации, оттуда и до ресторана – рукой подать, так что дошли они быстро. Вывеска уже включилась: горела, переливалась разноцветными огнями. Возле порога стояли щедро украшенные новогодние елочки, хотя до Нового года оставалось больше недели.

Борис Семенович открыл дверь, и они очутились внутри. Освещение было приглушенное, играла тихая музыка.

– Надо же, и тут никого, – сказала Вера Ивановна.

– А тебе без швейцара или метрдотеля никак? – язвительно осведомился муж. Она не стала отвечать, потому что было ясно: ему тоже не по себе, за сарказмом он пытается скрыть растерянность и недоумение.

Супруги оставили мокрый зонт на подставке, пересекли вестибюль и прошли в огромный полутемный зал, где не было никого, кроме них. Барная стойка пустовала – бутылки загадочно мерцали на полках, но бармен отсутствовал.

Музыка в зале звучала тише.

– Я полагаю, можно сесть, где вздумается, – сказал муж и подвел Веру Ивановну к столику возле окна. С несколько старомодной галантностью принял у нее куртку, помог жене сесть и включил настольный светильник.

– Вот видишь, все в порядке. Кто-то же включил освещение на улице и внутри, накрыл столы, – сказал он бодрым и уверенным тоном. – Скоро к нам подойдут.

Вера Ивановна хотела возразить, что накрыть столы можно было и за несколько дней, а свет, вполне вероятно, включается автоматически в определенное время, однако снова промолчала. Некоторые слова не стоит произносить вслух. От этого может стать только хуже.

– Давай пока посмотрим меню, – предложил муж и протянул ей узкую кожаную папку бордового цвета.

Она послушно взяла меню в руки, открыла, принялась просматривать блюда. Завтраки и обеды были для них бесплатными, вернее, входили в стоимость путевки, а вот за ужины придется заплатить. Но цены, слава богу, не запредельные, удовлетворенно отметила Вера Ивановна.

Пришли несколько минут, но к их столику так никто и не подошел. Другие посетители тоже не появлялись. Происходящее действовало на нервы все сильнее, и Вера Ивановна сама поражалась своей выдержке.

– Это уже ни в какие ворота не лезет, – сердито сказал Борис Семенович, захлопнув меню. – Куда все подевались? Нас кормить вообще собираются?

Последние две фразы он произнес громким требовательным тоном, надеясь привлечь внимание официантов, но напрасно. А Вере Ивановне захотелось попросить его говорить тише. Она не могла понять, чего боится, но почему-то вдруг показалось, что этот призыв может быть услышан... кем-то.

«Мы ведь этого и хотим, так? Чтобы нас услышали?» – спросила она себя, и не нашлась с ответом.

– Боречка, может, нам стоит... – Начала было Вера Ивановна и осеклась.

В противоположной от входа в зал стороне была дверь, которая, очевидно, вела на кухню. Сначала Вере Ивановне показалось, что она плотно закрыта, но теперь, приглядевшись, женщина поняла, что это не так. Вроде бы в дверном проеме мелькнула какая-то тень.

– Ты видел? – быстро спросила она.

– Что?

– Там прошел кто-то.

Борис Семенович вздохнул.

– Вера, у меня глаз на спине нет. Это во-первых. А во-вторых, что странного, если там есть люди? Наоборот, так и должно быть.

Его снисходительный тон не смутил Веру Ивановну.

– Ничего тут не «как и должно быть», – нервно проговорила она. – Пойдем отсюда. Мне здесь не нравится. Это место меня пугает.

– Ресторан? Тебя пугает *ресторан*, Вера? – вкрадчивым тоном осведомился муж. – Мне кажется, это даже для тебя уже слишком.

Со стороны кухни раздался скрежет, как будто кто-то передвинул стул, не отрывая ножек от пола. Борис Семенович решительно поднялся со своего места.

– Все, с меня хватит.

– Ты куда? – встрепенулась она.

– Схожу на кухню. – Он повернулся в сторону приоткрытой кухонной двери. – Отвратительный сервис. Сколько мы может сидеть и ждать, пока кто-то соизволит принять у нас заказ? Если не умеют работать, пусть возвращают деньги, и мы уедем отсюда!

Вера Ивановна могла бы сказать, что денег они, в общем-то, и не платили, но это не пришло ей в голову. Больше всего на свете ей хотелось уйти из ресторана, но она знала своего мужа и понимала: спорить с ним и уговаривать его сейчас бесполезно. Он сделает так, как считает нужным. Поэтому Вера Ивановна вскочила и пошла следом за Борисом Семеновичем.

Они пересекли зал: он впереди, она – чуть поодаль. Пустые столики, погашенные светильники, тусклые лампы под потолком...

За приоткрытой дверью было темно. «Как я могла увидеть там кого-то? – подумала Вера Ивановна. – Показалось, наверное».

Борис Семенович нетерпеливо постучал и тут же толкнул дверь.

– Послушайте, уважаемые, мы уже полчаса сидим в зале и ждем официанта!

Дверь распахнулась. Свет, который проникал из ресторанного зала, не был ярким, но то, что находилось внутри, было видно вполне отчетливо. Выглядывая из-за плеча мужа, Вера Ивановна разглядела коридор, а дальше – самую кухню: большие разделочные столы, холодильники, многочисленные полки, подвесные вытяжки – все, как и положено.

Но больше ничего нормального в открывшейся им картине не было. Все перевернуто вверх дном: пол заляпан чем-то черным, всюду валяется посуда, один из шкафов опрокинут, дверца второго сорвана с петель. Корреспонденты криминальной хроники, которую Вера Ивановна часто смотрела по телевизору, назвали бы это «следами борьбы». Кто здесь боролся и с кем?

Ужин к приходу гостей уж точно не готовили.

– Почему тут так пахнет? – шепотом спросила она. Запах был липкий, сладковатый. – Как будто мусор давно не выносили.

– Что здесь произошло? – голос Бориса Семеновича дрогнул.

Вера Ивановна вцепилась в руку мужа.

«Уходим отсюда. Быстро!» – хотела она сказать, но не успела.

Дверь в конце коридора, за которой находилась, по всей видимости, кладовая или запасной выход, а может, то и другое сразу, была распахнута настежь. И пока супруги, замерев от удивления, разглядывали кухню, на пороге ее показался человек.

Постояв немного, он дергающейся, неровной походкой двинулся в их сторону. Спустя мгновение Вера Ивановна поняла, что перед ними – женщина, причем, судя по всему, официантка, потому что на ней было надето форменное платье длиной чуть выше колен и криво повязанный фартук.

Спутанные волосы закрывали лицо, руки безжизненными плетями висели вдоль тела. Женщина шла медленно, подволакивая ногу, вывернув ступню.

«Как Профессор», – мелькнуло в голове.

– Девушка, вы... С вами все хорошо? – спросил Борис Семенович.

«Идиот!» – чуть не завопила Вера Ивановна.

Разве может быть «хорошо», когда твоя нога...

– Кажется, у нее нога сломана, – прошептала она. – Нельзя просто взять и подвернуть ее под таким углом. Но как же она идет?!

– У бедняжки, наверное, шок, – сказал Борис Семенович и сделал попытку пойти навстречу незнакомке.

Жена схватила его за плечо.

– Не подходи. С ней что-то не так, – скороговоркой проговорила она. – Пошли отсюда, позовем кого-нибудь. Найдем врача.

Он нетерпеливо стряхнул ее руку.

– Да что с тобой, Вера! – Борис Семенович шагнул за порог и оказался в коридоре. – Я сам врач.

– Ты ветеринар! Боря! Не надо!

Чем отчаяннее она пыталась его остановить, тем меньше было шансов, что он повернет назад.

– Послушай меня хоть раз в жизни!

Она сжала ладони в кулаки с такой силой, что пальцы, пораженные артритом, заныли. Борис Семенович не отвечал и не оборачивался.

– Где тут свет включается? – пробормотал он, проведя рукой по стене. Не найдя выключателя, двинулся дальше. Теперь их с девушкой разделяли меньше пяти шагов.

– Ты что, не видишь? Тут случилось что-то плохое!

– Вижу, Вера! – Он глянул на жену через плечо, но не остановился. Ей показалось, что он и сам уже жалеет, что пошел, но не может позволить себе потерять лицо, признать ошибку и вернуться. – Потому и пытаюсь помочь этой несчастной.

Девушка все той же спотыкающейся походкой, по-прежнему не издавая ни звука, приближалась к нему.

– Человек нуждается в помощи, а ты...

– Не будь дураком! – крикнула Вера Ивановна, теряя остатки самообладания, не в силах уже быть тактичной и выбирать выражения. – Может, она заразная! Тут воняет черт знает чем! Иди сюда, тебе говорят! Немедленно!

От неожиданности, никак не предполагая, что жена может позволить себе заговорить с ним таким тоном, да еще и употребляя грубые, бранные слова, Борис Семенович остановился и обернулся к Вере Ивановне. На лице появилось почти комичное выражение изумления.

– Веруня! – потрясенно выговорил он, назвав ее ласковым домашним прозвищем, что делал, вообще-то, не так часто. Он вытянул руку в сторону странной девицы, которая была уже совсем рядом, и хотел сказать еще что-то, но Вера Ивановна так никогда и не узнала – что.

Официантка резко вскинула голову, как будто кто-то сзади дернул ее за волосы. В первую секунду Вера Ивановна решила, что у нее нет лица – только черный провал вместо него, но потом стало ясно, что оно покрыто коркой засохшей спекшейся крови. Девушка схватила Бориса Семеновича за руку и с неожиданной силой, чуть не выдернув ее из плечевого сустава, рванула на себя.

Борис Семенович закричал тонким, визгливым голосом, как попавший в силки зверек, и, не удержавшись, повалился на свою мучительницу. Забарахтался, пытаясь вырваться, но девушка, которая только что еле переставляла ноги, не ослабила хватку. Ее изувеченное тело как будто налилась неизвестно откуда взявшейся силой, она схватила Бориса Семеновича за горло и ударила затылком о стену.

– Помоги, – прохрипел он, найдя жену взглядом.

Никогда еще ей ни приходилось видеть в чьих-либо глазах такого абсолютного, неразбавленного недоверием или надеждой на спасение ужаса. Он понимал, что ему не остаться в живых, знал, что еще немного – и земные часы его остановятся.

Разве могло такое быть? Разве могло?..

Очки свалились с носа и отлетели в сторону. Свободная от захвата рука взметнулась вверх: Борис Семенович попытался не то ударить, не то оттолкнуть от себя жуткое существо, но ничего не вышло.

Девушка, будто вглядываясь, приблизила окровавленное лицо к своей жертве, а затем снова ударила, впечатывая мужа Веры Ивановны в стену. Раздался тошнотворный хруст. Крик оборвался, голова его безвольно свесилась на бок, как у тряпичной куклы.

Убийца, не зная усталости, как заведенная, колотила свою жертву затылком о стену – на ней оставались кровавые кляксы и разводы.

Вера Ивановна так и стояла в дверном проеме. Человек, с которым она готовилась в апреле отметить тридцатилетие совместной жизни, умер на ее глазах. Его убили – буквально размазали по стенке, как в каком-то дешевом боевике, которых он терпеть не мог, а она, его жена, женщина, которая родила от него дочь, стояла и смотрела на это.

Ее будто парализовало – а может, это была какая-то особая форма сумасшествия. Одна часть Веры Ивановны находилась тут, в богом забытом месте на вершине проклятой горы, куда они попали благодаря роковой случайности (Люсиному, как им казалось, везению!).

А другая часть так и оставалась дома, в родной Казани, в их с Борей уютной квартире на шестом этаже – хлопотала на кухне, вязала или гладила белье. Муж, с которым она три десятилетия делила кров и постель, и которого, несмотря на стремление вечно поучать всех вокруг, брюшко, седину и ворчливость, она все еще любила, сидел в кресле возле телевизора.

«Так и есть! Нет никакой поездки, никаких гор!»

Злобная фурия отшвырнула тело Бориса Семеновича, и оно осталось лежать у стены – перекрученное, окровавленное, похожее на мешок с ветошью.

«Мне это чудится, снится! Это все неправда!»

Жуткая тварь в платье официантки неуклюже повернулась вокруг своей оси и уставилась на Веру Ивановну.

«Такого не бывает», – снова сказала она сама себе, почти уверившись, что попросту находится в центре некоей мистификации.

Существо, убившее ее мужа, сделало шаг по направлению к ней.

«Веруня! – раздался сердитый голос мужа. – Прекрати дурить! Что ты застыла?»

– Боря? – растерянно пробормотала она и поглядела на тело, скрючившееся у стены.

«Она убила меня и сейчас примется за тебя! Беги сейчас же!»

Морок пропал. Стекланный кокон, который ошеломленное увиденным сознание попробовало выстроить вокруг нее, разбился.

Вера Ивановна, подвывая от ужаса, попятилась, не спуская глаз с бредущего в ее сторону чудовища. К счастью, двигалось оно медленно.

В глубине коридора, там, откуда оно выбралось, показалась еще одна фигура – такая же медлительная, темная и...

Не глядя в ту сторону, не размышляя, подчиняясь исключительно инстинкту самосохранения, женщина выскочила в зал и захлопнула за собой дверь. Принялась искать замок, нашла, но снаружи он запирался на ключ, не на задвижку, а ключа не было.

Вера Ивановна заметалась в поисках того, чем подпереть дверь, чтобы запереть тварь внутри, но ничего подходящего не нашла. Впопыхах придвинула ближайший стол. Это, конечно, не остановит монстра, но хотя бы задержит!

Так, куда теперь? В памяти всплыло безлюдное здание администрации, пустые автомобили на стоянке. Ох, да что же она! Есть ведь другие гости! Нужно добраться до них!

«А что, если до них уже добрались раньше?»

Стоило этой мысли оформиться, как входная дверь ресторана открылась, послышались чьи-то медленные, шаркающие шаги. Вера Ивановна прижала ладони ко рту и попятилась.

В это мгновение со стороны кухни раздалась царапающая звуки: кто-то пытался открыть дверь. В следующую секунду дверь содрогнулась от удара. Столик, который придвинула Вера Ивановна, пополз вбок.

Существо, что она попыталась запереть, выбиралось наружу.

«Оно не одно! Их там двое!»

К выходу бежать нельзя, в кухню тоже. Что делать?

«Здесь должен быть туалет. Вера, возьми себя в руки!»

Не думая о том, что стала слышать голос покойного мужа, и что это, вероятнее всего, красноречивый признак надвигающегося безумия, женщина завертелась на месте, отыскивая вход в туалетную комнату.

Есть – вот она!

Пробираясь между столиками с прытью, которой давно уже от себя не ожидала, Вера Ивановна устремилась к небольшому коридорчику, в глубине которого находилась спасительная дверь. Не задумываясь, действуя на автомате, женщина схватила с одного из столиков нож. Вряд ли им можно будет защититься от кровожадной убийцы, но все же это какое-никакое оружие.

Она старалась двигаться осторожнее, чтобы не выдать себя, и при этом прислушиваясь к тому, что творилось вокруг. Шаги со стороны входной двери слышались все отчетливее.

Ножки столика скребли по полу, в проеме показалась рука.

Вера Ивановна заскочила в туалет, закрыла дверь – хвала Всевышнему, добротную, не фанерную. Здесь было темно, и она словно провалилась в яму.

«А если замка нет?»

Но замок был, и женщина заперлась изнутри, стараясь делать это как можно тише. Мысль, которая пришла следом, молотом шарахнула по голове: «Ты не подумала, что и тут может кто-то прятаться?»

Вера Ивановна прижалась спиной к стене, прислушалась. Снаружи слышались шаги и, кажется, чей-то голос. Внутри было тихо. Она осторожно вытянула руку и наткнулась на выключатель. Щелк – и помещение залил желтоватый свет.

Никого, обрадовалась женщина. Но радость была преждевременна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.